

Лихая година

100 лет назад, весной и летом 1921 года, когда страна еще не ликвидировала разруху, нужду и обнищание населения, которые принесли Первая мировая и Гражданская войны, в Симбирской губернии, как и во всем Поволжье, разразился страшный голод. Он был вызван не столько засухой, сколько тем, что три года насилия продотрядов разорили сельское хозяйство. У крестьян не осталось ни зерна для посевов, ни желания обрабатывать землю. В деревнях начали забивать скот, гибнущий от бескормицы и болезней. В пищу шли солома с крыш, лебеда, желуди, древесная кора, корни болотных растений, серёжки орешника. Мировую прессу облетели снимки умирающих детей-скелетов, известия о людоедстве, призывы о помощи.

Подробности того страшного времени ярко встают со страниц симбирского дневника Александра Владимировича Жиркевича – военного юриста, коллекционера, писателя, видного деятеля культуры конца XIX – начала XX века, внесшего большой вклад в развитие музейного дела в Симбирске, где проживал в 1915–1925 годы. Его дневник – это история эпохи, свидетелем и очевидцем которой он был. «Я стараюсь заносить в мои дневники отголоски, доносящиеся до нас, горожан, из вымирающей деревни, в смутной надежде, что в будущем кто-то, когда-то, описывая наши нынешние муки, воспользуется для своих летописей и такими материалами», – писал Жиркевич. Вот некоторые записи его дневника 1921–1922 годов.

8 февраля 1921 года. Надо удивляться, что все говорят о надвигающемся голоде как о чем-то проблематическом, вроде слуха, который еще требует проверки. А вот вчера я держал в руках, так сказать, неопровержимое вещественное доказательство надвигающегося на Поволжье общенародного бедствия. Я зашел к О.П. Цветковой, продолжающей благодушеествовать на средства уплотнившего ее деревенского парня, а ныне коммуниста-большевика Сергея. К Сергею приехал его товарищ красноармеец, которого с особым отрядом послали за 35 верст в какую-то деревню отбирать у крестьян муку. Отряд прожил в деревне несколько дней и убедился, что нет не только запасов муки, но там давно уже едят не хлеб, а нечто подобное черной земле, из лебеды с какими-то примесями. Кусок этого ужасного суррогата хлеба он привез показать большевикам в доказательство того, почему он не добыл желаемой в Симбирске муки. Кусок этой невообразимой, несъедобной, черной как уголь мерзости я вчера держал в руках... Симбирское начальство, однако, не доверяет показаниям этого

красноармейца, уверяя, что он-де плохо искал, что жители-крестьяне обманули его, спрятав хлеб, и т.д. А он рассказывал о том, что без слез нельзя видеть детей крестьянских, жующих это подобие хлеба».

24 февраля. Видел вчера кухарку Яковлевых, только что вернувшуюся от родных из деревни, находящейся в 30 верстах от Симбирска. Она рассказывала мне про экономическую разруху в деревнях. Большевики, по ее словам, вывезли – по ночам, тайком от населения – весь запас ярового зерна, находящийся в продовольственных деревенских складах, не принимая, по-видимому, в расчет, что мужикам нечем будет обсеивать поля. Теперь, узнав об этом, крестьяне тех сел и деревень, где существуют еще такие запасы, охраняют по ночам склады особыми вооруженными караулами человек по 45, решив не дать советской власти покончить с деревней, пустив ее, как говорится, по миру. Та же баба говорит, что деревня доедает последние запасы продовольствия.

Информационный плакат о помощи голодающим

2 марта. Мужички, у которых я вчера купил возик дров (за 16 тыс.), говорили мне, что цены на все пали бы, если бы допустили вольную торговлю. Они, как и горожане, выражали недоумение по поводу всего того, что продельывает советская власть с деревней.

15 марта 1921 года. Вчера у Цветковых я встретил красноармейца Н. Горбунова. Это он ездил по приказу советской власти из Симбирска в Симбирский уезд выжимать из крестьян рожь. Два часа я слушал рассказ этого умного, порядочного, сердечного мужика-солдата об ужасах голодовки по деревням, об ограблении деревень... Год тому назад, в Москве, Горбунов был на огромном митинге рабочих, где много говорил Троцкий. Рабочие постоянно грубо его прерывали криками: «Довольно!», «Замолчи!», «Хлеба, хлеба!», «Не надо твоего краснобайства! Давай хлеба нашим семьям!» Наконец Троцкий вышел из себя и стал доказывать, что голода еще нет, а лишь некоторое недоедание. Новый взрыв негодующих криков, протестов, упреков. Тогда Троцкий позволил себе бросить в толпу такую фразу: «Я признаю, что существует голод, лишь тогда, когда услышу, что мать из двоих своих детей съела с голоду одного. Вот это будет голод!»

Визитная карточка А.В. Жиркевича

23 марта. Куда ни приду – всюду мечты о том, чтобы уехать из России. И у меня, вопреки сердцу, закипает по временам та же жажда спастись куда-либо из России... Но сейчас же становится стыдно и больно! Скоро прилетят к нам весенние гости – перелетные птицы. И я знаю – опять забьется у меня сердце желанием пожить свободно... перед смертью...

26 июня. Видел вчера на улице женщину с двумя детьми, настолько исхудавшими от голодовки, что ножки их, ручки – тонки, как палочки. Это живая иллюстрация того, до чего довели русский народ! Проходя мимо много-миллионного безобразия – памятника К. Марксу, я думал, что в России делается то же, что делалось и при старом режиме: мы ставили миллионные мо-

Семья Жиркевичей на могиле Жиркевича В.И., Варвары и Сергея. Из фондов Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Родина В.И. Ленина»

нументы монархам и военным героям, в то время когда по деревням умирали с голоду и от поварных болезней... Все, все осталось по-старому!

30 июня. Холера, перекочевав в Симбирск по Волге из Астрахани, делает у нас ожидавшиеся успехи. Холерные бараки до того переполнены больными, что последних кладут вне их, на свежем воздухе. Трупы хоронят голыми в общих ямах, на эпидемическом кладбище. Сегодня А.С. Сергиевская рассказала мне, что прислуга в холерных бараках боится подходить к больным, подносить им воду, не желая заразиться. Смерть приходит к больным в ужасающей обстановке полной заброшенности и отчаяния.

10 июля. По Симбирску таскаются санитарные телеги, подбирающие на улицах всякого рода валяющихся людей; сюда, в общую кучу, попадают и одержимые холерой, и обессиленные от голода – всех в общую кучу, а там, в госпитале, разберут.

26 июля. Через Симбирск проходят сотни телег, везущих домашний скраб и ребятишек. На торговой площади образовались целые таборы. Это беженцы, спасающиеся от голода в те местности, в которых, по слухам, ожидается урожай. Везут шкуры коров: значит, зарезали перед отъездом последнюю корову. Где они остановятся? Что ждет их в будущем? Многие ли доберутся до «земли обетованной»? Никто не знает. Ребятишки плачут. Подростки мрачны, не по-детски выглядят, истощены. Женщины еле двигаются.

3 января 1922 года. Право, когда прочтешь корреспонденцию с мест о том, что делается по деревням, то мутится разум и колеблется вера в существование Бога. <...> Взрослые умирают с удивительной покорностью воле Божьей. Но дети борются до

последней возможности со смертью. В руках мертвых матерей находят умирающих детей, которых они с улыбкой обнимают. По деревьям с воплями о помощи мечутся сошедшие с ума женщины, желая спасти своих умирающих детей. У скончавшихся детей обглоданы от голода ручки. Едят кошек, собак, мышей, сусликов, лягушек. Пожирают скот, околевающий от чумы и сапа.

И подобных записей множество.

Осень принесла массовые желудочные заболевания, многочисленные случаи голодной смерти. За четыре месяца от голода и болезней умерло почти 15 тысяч человек. Крестьяне вымирали целыми деревнями либо бросали свои дома и пытались найти спасение в городе. В Симбирск устремились массы беженцев. Город представлял собой жуткое зрелище: трупы на грязных захламленных улицах, множество нищих. Осенью 1921 года в городе свирепствовала холера, на зиму 1921–1922 годов пришла эпидемия тифа. Голод стал причиной малярии, желтухи, цинги.

В своих воспоминаниях об отце младшая дочь Тамара (мать Натальи Жиркевич-Подлесских. – Ред.) так вспоминала эти годы в Симбирске: «В то время в Поволжье был страшный голод и нам выдавали по восьмушке хлеба в день. Мама уверяла, что ей плохо от черного хлеба, и всячески старалась отдать нам свою порцию. Из дома продавалось, менялось на продукты, на хлеб и молоко – белье, одежда, мамини украшения... Но продать или обменять что-либо из папиных коллекций никому не приходило в голову. Все знали, что это собиралось для Родины и не может быть передано в чужие руки... А между тем американцы, организовавшие в то время «Помощь голодающим Поволжья» – «АРА», как это называли, узнав о коллекциях отца, предлагали продать хоть часть картин и сулили большие деньги. Но отец решительно отказался <...>. В 1921 г. 26 октября умирает в тяжелой обстановке нужды наша дорогая мама, любимый друг и помощник отца... В своей автобиографии отец пишет, что «со своей женою он был счастлив, как только может быть счастлив человек, найдя в ней прежде всего друга, прекрасную женщину и достойную мать своих детей».

Валентина Костягина,

старший научный сотрудник
отдела фондов

ОГАУК «Ленинский мемориал»

(Продолжение в следующем номере)